

Т ЕБЕ, кого уважаю и люблю». Эти наполненные глубокой признательностью и восхищением слова Николая Островского написаны в декабре 1932 года на одном из первых экземпляров романа «Как закалялась сталь». Адресованы они были Иннокентию Павловичу Феденеву — старшему товарищу и верному другу писателя.

Об этом дорогом для Островского человеке я коротко упомянул в свое время в книге «История, а не легенда». Знакомая читателям с друзьями автора «Как закалялась сталь», родившимися или жившими в Забайкалье: Тарасом Костровым, Виктором Кином, Львом Берсеневым, Матом Залкой, а вместе с ними, назвал и Феденев.

Раиса Порфирьевна — вдова писателя, рецензируя тогда по просьбе Восточно-Сибирского издательства мою книгу, прислала мне письмо, в котором упрекнула меня, что я до обидного мало написал о нашем земляке, иркутянине, сыгравшем исключительную роль в судьбе ее мужа. «...Еще задолго до встречи с Тарасом Костровым Н. Островский, — сообщала она, — рассказывал о своих творческих замыслах ближайшим друзьям, старым большевикам и, в первую очередь, И. П. Феденеву, иркутянину, члену партии с 1904 года. Феденев в 1926 году советовал Н. Островскому написать книгу, а позднее горячо поддерживал творческие замыслы своего молодого друга, оказал ему большую помощь в опубликовании романа «Как закалялась сталь». О Феденеве — коренном сибиряке-иркутянине следовало бы рассказать подробнее».

Но в ту пору я, к сожалению, не смог внести дополнения в рукопись, так как не располагал нужными достоверными материалами. Они появились лишь тогда, когда «История, а не легенда» вышла в свет, а затем была переведена на украинский язык и опубликована в Киеве. Ко мне из Москвы, Иркутска, Киева, Шепетовки, Боярки, Прокопьевска, Новосибирска, Барнаула и других мест пошли письма, в которых говорилось и о тесной духовной близости Островского и Феденева. А несколько месяцев назад хранитель фондов литературно-мемориального музея писателя в городе Боярка Киевской области Ольга Ивановна Кривенья заочно познакомилась со мной с семьей Иннокентия Павловича, проживающей теперь в Киеве: вдовой Еленой Ивановной Феденевой и дочерью — доктором экономической наук, профессором Миррой Иннокентьевной. Пришли в Читы весточки и от них.

Со временем у меня накопилось немало писем, материалов, публикаций, тепло и сердечно повествующих о трагической и бескорыстной дружбе двух замечательных людей нашей эпохи — Островского и Феденева.

Теперь, используя все эти материалы, я имею возможность подробнее рассказать об Иннокентии Павловиче.

«Осенью 1924 года Островского определили на лечение в Харьковский медико-механический институт: прогрессировала злокачественная болезнь. Четыре года назад шестнадцатилетний боец Первой конной армии в одной из кавалерийских атак под городом Коростень был тяжело ранен в голову и живот, а падая с лошади, ушиб позвоночник. И хотя его тогда подлечили и поставили на ноги, но последствия ранения оказались угрожающими.

Несколько месяцев провел он в этом институте, перенес операцию на коленном суставе. Но хирургическое вмешательство не помогло. Ноги начали отказывать. В мае 26-го Николая направили в Евпаторию в санаторий «Мойнаки», рассчитывая, что целебные грязи восстановят здоровье юноши.

В письме другу Петру Новикову Островский сообщает: «...Пишу тебе из санатория... Санаторий вдали от города (3 версты), тихий, зеленый... Я лежу, на все процедуры меня носят...» Он чувствовал и понимал, что его начинают быстро оставлять силы, сгоревшие в пламени революции и гражданской войны... Еще не было романа «Как закалялась сталь», не было, по-видимому, даже и мысли у большого Островского писать его...»

Через несколько дней, как Николай поселился в «Мойнаках», туда же приехал из Москвы Иннокентий Павлович Феденев. Они точно познакомились и это знакомство породило их на всю жизнь. Вот что они сами рассказали позднее о своих первых встречах.

В воспоминаниях Иннокентия Павловича читаем: «...В мае 1926 года я приехал в Евпаторию в санаторий «Мойнаки». Там я увидел его впервые. Крупный выпуклый лоб. Правильные черты лица и приятная улыбка. Рост выше среднего, худощавый. На лбу над правым глазом виднелся шрам, глаз воспален... Говорил с легким украинским акцентом, остроумен, жизнерадостен.

Из разговора с медицинским персоналом я узнал, что Островского в будущем ждет полная неподвижность. Сам он неохотно говорил о своей болезни, хотя чувствовал надвигающуюся катастрофу... Его можно было слушать часами, речь его лилась свободно, увлекла своей искренностью; глубокой сердечностью были проникнуты слова о борцах, наших в боях за Родину...»

В романе «Как закалялась сталь» Николай Алексеевич так описывает свое знакомство с Феденевым:

«...До приезда Иннокентия Павловича Леденева (читай — Феденева) Корчагин (читай — Островский — Н. С.) был шахматным «чемпионом» в санатории... Но вскоре там появился высокий старик, необычайно молодо выглядывший в свои пятьдесят лет, и предложил Корчагину сыграть партию...»

После трехчасового «сражения», несмотря на все усилия, на все напряжение, Павел принужден был сдаться. Он увидел свой проигрыш раньше, чем кто-либо из окружающих. Посмотрел на своего партнера. Леденев улыбнулся отечески-добро. Ясно, что он тоже видел его поражение...»

Так кто же такой Феденев? Чем покорила он Островского?

ИННОКЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ родился в Иркутске 8 октября (старого стиля) 1877 года. Закончил четыре класса городской школы. Трудиться по найму начал в 1897-м. Несколько лет работал на Ленских золотых приисках. Затем был призван на воинскую службу, в 21-й стрелковый полк, находившийся в Благовещенске. Был в Чите. Вернувшись в 1903 году в Иркутск, Феденев активно включается в революционную деятельность.

В фондах Иркутского государственного архива хранятся документы местного жандармерского управления, в которых часто упоминается имя Феденева. Вот один из таких документов: «...Иннокентий Павлович Феденев в 1904 г. примкнул к местной организации социал-демократов, подвергался обыскам и аресту в феврале и мае того же года. По агентурным сведениям за 1907 г. названный Феденев, иркутский механик, 28 лет, принимал самое живое участие в делах местной организации РСДРП и являлся видным членом таковой. 16 марта 1907 г. был застигнут на собрании члена местной организации РСДРП и заключен под стражу. 24 августа — 3 сентября 1909 года судился в Иркутском военно-окружном суде по делу 54-х социал-демократов...»

В 1914 году, когда началась первая империалистическая война, он был мобилизован и отправлен на Западный фронт. Но корпусом съезде 3-го Сибирского армейского корпуса в начале марта 1917 года Иннокентий Павлович избран членом корпусного комитета. Был он и его председателем. Избирался также членом Минского Совета

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По списку большевиков проходил в Учредительное собрание, а после его роспуска был введен в состав ВЦИКа.

В двадцатом году Иннокентий Павлович — член Московского губисполкома, он организовывал Московскую Рабоче-крестьянскую инспекцию и был ее первым председателем. Затем Феденев работал в Комиссарате финансов СССР...

Итак, май двадцать шестого свел будущего автора романа «Как закалялась сталь» с И. П. Феденевым. В книге Островский так напишет о себе и своем друге:

«...У Корчагина и Леденева была одна общая дата: Корчагин родился в тот год, когда Леденев вступил в партию. Оба были типичные представители молодой и старой гвардии большевиков. У одного — большой жизненный и политический

опыт, годы подполья, царских тюрем, потом — большой государственной работы; у другого — пламенная юность и всего лишь восемь лет борьбы, могущих счесть не одну жизнь. И оба они — старый и молодой — имели горячие сердца и разбитое здоровье...»

У меня часто возникал вопрос, что заставило Островского еще задолго до встречи и беседы с Тарасом Костровым — редактором журнала «Молодая Гвардия», советаться со своих первоначальных творческих замыслах с И. П. Феденевым.

Попытка представить душевное состояние недавнего молодого красноармейца в тот период. Поставленный волей обстоятельств в такие условия, когда потеряно здоровье и нет никакой возможности заниматься в дальнейшем физическим трудом, а натура у него была такая, что просто существовать, не принося хоть какую-то пользу людям, он не мог, Островский наверняка не единожды задавал себе вопросы: «Как быть? Что делать дальше? Как выдержать удары судьбы?». И, вероятнее всего, отыскивая ответ, он стал думать о том, что хорошо бы поведать людям о своей жизни и борьбе, об испытаниях, выпавших на долю его поколения. Сделать это он мог только в книге, иного пути не было. Ездить, выступать перед людьми, рассказывая о пережитом, — такой возможности он был лишен. Мысль о будущей книге не стала давать ему покоя. Как человек прямой и открытый, он не умел замыкаться в себе. Ему нужно было обязательно поделиться с кем-то своими планами и услышать мудрый совет.

И вот судьба свела его, молодого, но уже исковерканного жизнью, настойчиво ищущего выход из тупика, с Иннокентием Павловичем Феденевым — человеком, умудренным опытом, и с таким же, как у самого Островского, светлыми идеалами.

МЕСЯЦ, проведенный вместе в санатории «Мойнаки», открыл перед каждым новый, безграничный мир человеческих отношений. Их беседы, — вспоминает Елена Ивановна Феденева, — часто длились часами и нарушались только процедурами да сном. Говорили они о многом: и о прошлом, и о будущем. Островский рассказывал о родных украинских краях, интересно передавал байкальские картины, будто вел собеседника по широкому сибирскому простору...»

Феденев оказался именно тем человеком, который отвечал всем духовным интересам Островского. Он не только согласился с мыслью Николая попробовать писать книгу, но и дел, по которому готого поддержать его в этом. По утверждению Раисы Порфирьевны, Иннокентий Павлович «...был один из самых ярких людей, определивших в ту пору окружение Николая Островского».

Между тем здоровье Николая Алексеевича после лечения в санатории не только не улучшилось, а продолжало ухудшаться. В конце двадцати шестого года он сообщил в Харькове другу: «Не писал тебе потому, что дела у меня были и есть дрянь. Иду по нисходящей вниз. Уходят силы все более и более...»

Однако, несмотря на столь тяжелое состояние, Островский понемногу начал писать повесть о кавалерийской бригаде Котовского, в которой ему довелось быть конником. К концу двадцати седьмого наброски были закончены. Написал их от руки в одном экземпляре... Рукопись долго ходила по почтовым каналам, пересылаемая то друзьям, то в редакцию, и все в конце концов утеряла. Но этот удар был мимолетным, в сравнении с последовавшим за ним: Островский ослеп на оба глаза. Ирак темноты окутал его навсегда. Николая везут в Москву. Сделанная столичными медиками операция не восстановила зрения.

Очень трудно было выстоять в этой беде. Но Островского окружили теплотой и заботой мать, сестра, жена, друзья — Иннокентий Павлович и

Елена Ивановна Феденева, другие забойливые сердца. Много лет спустя, когда общественность Москвы в музее Николая Островского отмечала столетие Иннокентия Павловича Феденева, на собрание пригласили его дочь — Мирру Иннокентьевну. Она приехала из Киева и в своем выступлении так сказала о тех далеких и нелегких днях: «...Здесь, в Москве, ...где жили тогда Островские, отец почти ежедневно бывал у них, оказывал большую помощь в их жизни и делах. Отец был искренне привязан к Коле, любил его всем сердцем, восхищался его мужеством, железной волей, огромным оптимизмом, стремлением всегда быть активным борцом... Иннокентий Павлович ласково называл Колю сыночком, а Коля Островский считал Иннокентия Павловича своим духовным отцом...»

Тогда, в Москве, Островский и Феденев — не соглашались, чтобы я вывел (в книге) его полную фамилию. Я согласился изменить только одну букву...»

«...В разгар болезни 27 февраля приезжают Феденев и Колосов и говорят, что книга прошла в Доме писателей просмотр и получила теплый отзыв...»

«...Через два дня у меня будут все отпечатанные главы. 18 октября вечером ко мне приезжает Феденев и забирает все в редакцию...»

«...Все мои дела в редакции делает старик Феденев. Его мне послала «афортуна»...»

«...Приехал Феденев — бывает часто...»

Думается, эти оценки писателя, данные своему верному другу, ни в каких комментариях не нуждаются

В апреле тридцать второго года в четвертом

выскало спешной два экземпляра романа Как закалялась сталь, по которому будете набирать подробности письма, присылайте договор подлинно все ваши условия Коммунистическим приегом Николая Островского».

Уже в феврале 36-го Иркутское издательство сделало «как закалялась сталь» в набор. Ответственным редактором был А. Н. Губанов, техническим — М. Ф. Клинский, корректором — М. А. Колеченко, обложки художника Д. Я. Корчагина, что особенно обрадовало Островского, когда ему прислали из Иркутска книгу:

«Надо же, — с улыбкой произнес он, — у моего Паавки в Иркутске братишка есть, да к тому же — художник.

Роман вышел в Иркутске 20-тысячным тиражом. По тем временам это был солидный тираж. Так что в Западной и Восточной Сибири у Островского появилось много читателей, собравших его героя — Павки Корчагина.

К писателю хлынул поток писем. Шли они и из Забайкалья, входившего тогда в Восточно-Сибирский край, Пограничники и молодежь Нерчинского Завода, к примеру, извещали автора, что провели по его книге читательскую конференцию и решили Павку Корчагина взять в свои ряды правофланговым. Глубоко возмущало Островского и письмо пограничников Даурии. В нем говорилось:

«Дорогой Николай Алексеевич! Мы, бойцы и командиры пограничной полосы Даурии, собрались сегодня, 21 июня, на коллективный разбор и читку написанной Вами книги «Как закалялась сталь».

Вот уже беседа подходит к концу, и мы сейчас разойдемся, заряженные бодростью, силой и энергией от Вашей нами проработанной книги. Ваша книга, Николай Алексеевич, явилась для нас как бы целительным лекарством, поднимая наше настроение и наполняя бодростью и полной уверенностью в нашей дальнейшей победе.

У каждого из нас будет долго стоять в голове тот незабываемый образ героя-большевика Корчагина, в котором Вы так правдиво и жизненно нарисовали многомиллионное лицо нашего краснознаменного комсомола.

Будьте же счастливы, Николай Алексеевич, и живите много лет на благо нашей прекрасной и счастливой Родины, расцвета которой Вы так добивались в разгаре бои гражданской войны, не щадя своей жизни и здоровья.

Островский вообще был неравнодушен к пограничникам. Любил охраняющих рубежи нашей страны и их службу. Поэтому, встретившись с Феденевым, сразу же рассказала ему о пришедших из Забайкалья письмах.

«Ну, вот видишь, — обрадовался Иннокентий Павлович, — какими семимильными шагами ты идешь по земле! Кто сказал, что ты неподвижен! Уже за Байкал шагнул, Скорходам теперешним и будущим не утратить за тобой...»

Но несмотря на все старания медиков и душевную поддержку друзей, здоровье Островского угасало. Он торопится написать еще одну книгу, назвав ее «Рожденные бурей». Каждый день, когда позволяло здоровье, настойчиво диктовал страницу за страницей. О своем самочувствии Николай постоянно сообщает из Сочи в Москву Феденеву. В апреле тридцать пятого написал:

«Дорогой Иннокентий Павлович! Неожиданно захворал. Дауэсторонний плеврит. Температура, сердцебиение, бессонница и прочие столь же «приятные» вещи. Врачи категорически запретили работать, даже читать, и это в момент наивысшего творческого подъема. Представь мою ярость. Посылаю копию письма, полученного из Украинфильма. Все кругом зовут к труду и действиям, а я засыпаюсь. Ведем борьбу с болезнью, делаю все, что прикажут врачи, лишь бы скорее вернуться к работе.

Крепко жму руку, родной мой. Надеюсь скоро сообщить тебе, что выздоровел и вернулся в труд.

Твой Коля. Сочи, 5 апреля 1936 г.

Следующее письмо: «Дорогой мой Иннокентий Павлович! Сейчас поздний вечер. Завтра мы празднуем юбилей нашей красавицы Советской страны.

Пламенный привет тебе, мой родной. Эта годовщина — самая счастливая в моей жизни. В эти дни республика прикрывает и моей груди орден Ленина. Там, где стучится счастье мое сердце. Как прекрасна жизнь!

Крепко обнимаю тебя и целую. Сердечный привет от мамы и сестер. Твой Коля. Сочи, 6 ноября 1935 г.

Иннокентий Павлович был безмерно рад таким письмам. Ведь он больше, чем кто-либо другой, знал, через какие муки шел Островский к этому всеобщему признанию и любви к себе многочисленных читателей его зовущей на подвиг книги. Феденев был счастлив, что жизнь не сломала его молодого друга. Всегда стремившийся быть полезным людям, прикованный болезнью к постели, потерявший зрение, Николай вышел в себе силы превозмочь физические недуги и духовно подняться над ними. Как не радоваться тому, что близкий тебе человек всей жизнью своей утверждает добро, любовь и Родине!

В октябре тридцать шестого года Островский приехал в Москву, чтобы ускорить работу над «Рожденными бурей». Через месяц у него на квартире по улице Горького, где сейчас музей писателя, состоялось специальное совещание Президиума Союза советских писателей. Обсуждалась первая часть новой книги. Другой Николай на этом совещании представлял Иннокентий Павлович. Он вступил на нем, сказав душевное слово о своем друге, и поздравил Островского с новой победой на литературном фронте.

«...В середине декабря и без того плохое здоровье писателя (если можно считать здоровым то, чего у него почти не было) резко ухудшилось. Иннокентий Павлович ежедневно навещал больного. А 22 декабря, с утра, когда врачи уже не вселили никаких надежд, он безотлучно находился у Островского. Вечером, около восьми часов, позвонил жене, Елене Ивановне, и впадшим голосом сообщил скорбную весть: — Не стало Коли... Умер...»

Елена Ивановна тут же поехала к Островскому, от которых всего несколько часов назад вернулась домой. Поехала, чтобы разделить горе семьи умершего и горе собственной семьи...

ИННОКЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ на десять лет пережили своего духовного сына. Когда началась Великая Отечественная, ему шел 64-й. В московское ополчение его по возрасту не взяли. Тогда он пошел работать на оборонный завод. Вскоре завод был эвакуирован в Сибирь, причем в родной город Феденева — Иркутск, где еще жили братья, племянники, родственники, где еще стоял отчий дом. Завод, где работал Феденев, производил для фронта боеприпасы. Трудился Иннокентий Павлович, как и все в ту тяжелую пору, не зная усталости. И даже вырывал время выступать перед земляками с воспоминаниями о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным, о дружбе с Островским, о его творчестве. Старый большевик страстно призвал слушателей все делать для Победы, настойчиво преодолевать невзгоды.

«...Через трудности — и победы! — любил повторять он слова своего рано ушедшего из жизни друга. — Только к победе!»

Н. СУХАНОВ, член Союза журналистов СССР.

НА СНИМКАХ: Н. А. Островский; И. П. Феденев; Н. А. Островский; его жена Раиса Порфирьевна, брат Дмитрий, сестра Екатерина и И. П. Феденев [Москва, 1936 г. Из семейного архива Е. И. Феденевой].

Редактор В. П. СМЕРНОВ.

ЛЮДИ И ГОДЫ

К 85-летию Н. А. Островского

КРЕПЧЕ КРОВНЫХ УЗ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ О БОЛЬШОЙ И СВЕТОЙ ДРУЖБЕ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО И СИБИРЯКА ИННОКЕНТИЯ ФЕДЕНЕВА

опыт, годы подполья, царских тюрем, потом — большой государственной работы; у другого — пламенная юность и всего лишь восемь лет борьбы, могущих счесть не одну жизнь. И оба они — старый и молодой — имели горячие сердца и разбитое здоровье...»

У меня часто возникал вопрос, что заставило Островского еще задолго до встречи и беседы с Тарасом Костровым — редактором журнала «Молодая Гвардия», советаться со своих первоначальных творческих замыслах с И. П. Феденевым.

Попытка представить душевное состояние недавнего молодого красноармейца в тот период. Поставленный волей обстоятельств в такие условия, когда потеряно здоровье и нет никакой возможности заниматься в дальнейшем физическим трудом, а натура у него была такая, что просто существовать, не принося хоть какую-то пользу людям, он не мог, Островский наверняка не единожды задавал себе вопросы: «Как быть? Что делать дальше? Как выдержать удары судьбы?». И, вероятнее всего, отыскивая ответ, он стал думать о том, что хорошо бы поведать людям о своей жизни и борьбе, об испытаниях, выпавших на долю его поколения. Сделать это он мог только в книге, иного пути не было. Ездить, выступать перед людьми, рассказывая о пережитом, — такой возможности он был лишен. Мысль о будущей книге не стала давать ему покоя. Как человек прямой и открытый, он не умел замыкаться в себе. Ему нужно было обязательно поделиться с кем-то своими планами и услышать мудрый совет.

И вот судьба свела его, молодого, но уже исковерканного жизнью, настойчиво ищущего выход из тупика, с Иннокентием Павловичем Феденевым — человеком, умудренным опытом, и с таким же, как у самого Островского, светлыми идеалами.

МЕСЯЦ, проведенный вместе в санатории «Мойнаки», открыл перед каждым новый, безграничный мир человеческих отношений. Их беседы, — вспоминает Елена Ивановна Феденева, — часто длились часами и нарушались только процедурами да сном. Говорили они о многом: и о прошлом, и о будущем. Островский рассказывал о родных украинских краях, интересно передавал байкальские картины, будто вел собеседника по широкому сибирскому простору...»

Феденев оказался именно тем человеком, который отвечал всем духовным интересам Островского. Он не только согласился с мыслью Николая попробовать писать книгу, но и дел, по которому готого поддержать его в этом. По утверждению Раисы Порфирьевны, Иннокентий Павлович «...был один из самых ярких людей, определивших в ту пору окружение Николая Островского».

Между тем здоровье Николая Алексеевича после лечения в санатории не только не улучшилось, а продолжало ухудшаться. В конце двадцати шестого года он сообщил в Харькове другу: «Не писал тебе потому, что дела у меня были и есть дрянь. Иду по нисходящей вниз. Уходят силы все более и более...»

Однако, несмотря на столь тяжелое состояние, Островский понемногу начал писать повесть о кавалерийской бригаде Котовского, в которой ему довелось быть конником. К концу двадцати седьмого наброски были закончены. Написал их от руки в одном экземпляре... Рукопись долго ходила по почтовым каналам, пересылаемая то друзьям, то в редакцию, и все в конце концов утеряла. Но этот удар был мимолетным, в сравнении с последовавшим за ним: Островский ослеп на оба глаза. Ирак темноты окутал его навсегда. Николая везут в Москву. Сделанная столичными медиками операция не восстановила зрения.

Очень трудно было выстоять в этой беде. Но Островского окружили теплотой и заботой мать, сестра, жена, друзья — Иннокентий Павлович и

торый уже раз вели разговоры о книге, и Иннокентий Павлович со все большей настойчивостью советовал писать ее, писать об участии молодых в революции и гражданской войне. «Такая книга нужна, просто необходима будущим поколениям», — убеждал он Николая. — Голова у тебя работает, а помощником-секретерей поможем найти. Только диктуй...»

Получив от старшего товарища такую надежную поддержку, Островский принялся «агартувать» сталь. Вернувшись в Сочи, упорно продолжал заниматься начатым еще в Москве киемоверно тяжким для него литературным трудом. Именно в это время Николай встретил тогдашнего редактора журнала «Молодая Гвардия», уроженца Читы Тараса Кострова (А. С. Мартынюкова) и обрел еще одного друга — Льва Берсенева, жившего в Чите в 1921—1922 годах, в период ДВР. Эти знакомства тоже очень помогут ему в работе над романом. Среди сочинских комсомольцев нашлись добровольцы — секретари-помощники.

К концу 1931 года первая часть книги (9 глав) «Как закалялась сталь» была написана. Один экземпляр Островский отослал в Москву Феденеву с просьбой отнести в журнал «Молодая Гвардия». Иннокентий Павлович активно включается в «агонии по издательству».

П РОИДА по документам дорогого их дружба, я воинно убедился, насколько нерушимой и светлой была она, Феденева всегда оказывался рядом с Островским, когда тому приходилось особенно тяжело. В подтверждение приведу лишь несколько выдержек из писем Николая своим знакомым, написанных в разное время и в разных местах:

«...Итак, я доборол болезнь и жив. Быстро поправляюсь. Мои друзья — Феденева и Миша — сделали все, чтобы меня спасти...»

«...Вы знаете скромность Иннокентия Павловича!

номере журнала «Молодая Гвардия» были опубликованы первые главы романа. В октябре первая часть книги вышла отдельным изданием.

«В декабре месяце, — написала мне недавно Елена Ивановна, — нам на московскую квартиру пришла бандероль из Сочи. Вскрыли мы ее с Иннокентием Павловичем и несказанно обрадовались. Это была отдельно изданная первая часть книги «Как закалялась сталь». Она была хорошо оформленной. На сером фоне блестящих штык и черная веточка, на которой осталось только два листочка. А подпись, сделанная автором, разволновала нас до слез: «Феденеву Иннокентию Павловичу — моему другу, в память неразрывного единства старой и молодой гвардии нашей Партии. Тебе, кого уважаю и люблю. 22 декабря 1932 г. Н. Островский».

В 1934 году Николай закончил вторую часть книги «Как закалялась сталь» и подарил Иннокентию Павловичу с надписью: «Феденеву Иннокентию Павловичу (Леденеву)».

На память о твоей дружбе с Павлушей Корчагиным, который так тебя любил и уважал.

Н. Островский. Сочи, 1934 г., 3 августа. Обе книги, — заканчивает письмо Елена Ивановна, — хранятся у нас в семье.

РОМАНОМ Островского люди в те годы зачитывались. Книгу жадно искали. Ее не хватало, хотя издавалась она во многих местах.

В конце 35-го земляки Феденева — иркутяне посетовали Иннокентию Павловичу на то, что в Восточно-Сибирском крае эту книгу «еднем с огнем не найдешь».

«Издавать на месте, — посоветовал Феденев. — Зачем ждать? Просите согласие у автора, а я попрошу его, чтобы уважил моих земляков... Сибиряки так и поступили. Вскоре в Иркутск пришла телеграмма: «Иркутское краевое книгоиздательство Губанову вашу радиogramму получил приступайте изданию